

Ссылка на публикацию:

https://www.ng.ru/person/2023-05-24/10_1175_persona.html

Сделал шаг – иди до конца

Виктор Слипенчук о России, море, Иммануиле Канте и буддизме

Александр Балтин

Виктор Трифионович Слипенчук (р. 1941) – поэт, прозаик, публицист. Родился в Приморском крае. Получил два высших образования. Работал геологоразведчиком, зоотехником, матросом, рыбоводом, строителем, журналистом. Первая публикация – 1955 год. В 1982 году принят в Союз писателей СССР. После окончания Высших литературных курсов направлен на усиление Новгородской писательской организации. Руководил областным литературным объединением при газете «Новгородский комсомолец». Был редактором радиожурнала «Литературный Новгород» и газеты «Вече». С 1996 года живёт в Москве. С 2009 года член-корреспондент Академии русской словесности. Обладатель Золотой Есенинской медали «За верность традициям русской культуры и литературы», монгольского ордена «Слава Чингисхана» (2013) (тогда же избран академиком Международного университета имени Чингисхана). Автор множества книг. Среди его произведений поэтические книги: «Свет времени», «Путешествие в Пустое место», «Чингис-Хан», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Зигзаг»; романы: «Огонь молчания», «Зинзивер», «Звёздный спас»; пьеса для театра в десяти эпизодах «Губернатор». Произведения переведены на японский, китайский, монгольский, украинский, сербский, вьетнамский и французский языки.

Настоящий моряк-рыбак смотрит на море, как крестьянин на хлебное поле, которое его кормит. Фото Андрея Щербака-Жукова

Не так давно свет увидело восьмитомное собрание произведений писателя. В него вошли тексты самых разных жанров и направлений, написанные в течение всей его долгой творческой жизни, в них нашли отражения самые разные события его жизни личной. О жизни и творчестве с **Виктором СЛИПЕНЧУКОМ** побеседовал **Александр БАЛТИН**.

– Виктор Трифонович, ваша биография – путешествие во времени и пространстве. Скажите, пожалуйста, в какой момент времени вам больше всего хотелось домой?

– Я считаю, что вопрос немножко неуместный. Я работал, уходил в моря, чтобы трудиться, кормить семью... Когда хотелось домой? Да никогда. Идешь в море на полгода, а первый мой рейс затянулся почти на восемь месяцев. Прошел все стадии. Был матросом обработки на фабрике: фасовщиком, мукомолом, выбивальщиком. На палубе – матросом добычи. Возвращался домой – матросом руля.

Настоящий моряк-рыбак смотрит на море, как крестьянин на хлебное поле, которое его кормит. И это все меняет в его отношении к морю, чувствам, которые приходят.

– Вы посетили большое количество стран. А в какую из стран вам хотелось бы вернуться?

– Вы знаете, кроме России – никуда... Мы плохо знаем свою страну. Когда мы уходили за рубеж, на ремонт судна «Давыдов», я был не рядовым матросом, а первым помощником капитана. Со мною были в команде ребята из Находки... Ну что ты там увидишь, в Находке? Ты не был в Москве, ты не был в Киеве, и вот ты сразу оказываешься в Сингапуре, и – ой-ёй-ёй какой Сингапур! Как мы отстали!.. Но если бы ты побывал вначале в Петербурге, в Москве, в Киеве, то этого телячьего восторга у тебя не было бы. Мы плохо знаем свою Россию. Как-то разговорились с приятелем, и вот он говорит: по Волге пройти – это счастье...

– Одно из своих произведений, пьесу «Губернатор», вы посвятили своей жене. Скажите, насколько значимо ее влияние на ваше творчество?

– Это не поддается математическому анализу. Это – часть тебя. Лучше всяких слов объясняет мое стихотворение «Белая птица», посвященное ей:

Чудесная белая птица,
Ей одиноко одной.
Она на карниз садится
И тихо следит за мной...

– В вашем творчестве любовь – одна из основных тем, и вы очень красиво пишете об этом чувстве. А что же такое любовь – по-вашему?

– У каждого человека будет свой ответ. Поскольку у каждого человека свои идеалы и стереотипы. У меня – один, а у другого – второй, потому что мы всё видим по-разному.

Это-то и хорошо, что нет однозначного ответа. Односложного определения любви не существует. Сколько ни пишу о любви, но до сих пор ответа на этот вопрос не знаю. Полагаю, что любовь выше всех определений, выше нас. Благо, что она существует. Когда мы любим, мы ее не замечаем, а когда она заканчивается, человек чувствует одиночество. Любовь накрывает

своим крылом, и, когда уходит, человек начинает себя чувствовать неуютно в этой жизни.

– Ваш рассказ «Сладкое шампанское» – короткая, полная драматизма история, и вы признались, что не могли его не написать. Скажите, а с другими произведениями было нечто подобное?

– По-другому, но да – нечто подобное было и с другими моими произведениями. Например, с рассказом «Похоронка». Вот когда по-настоящему прочувствовал пушкинскую фразу «Над вымыслом слезами обольюсь».

– Поэму «Чингис-Хан»вы начали писать в 23 года. Она получила признание и за рубежом, а недавно обрела и форму музыкального произведения. В чем причина успеха?

– Поэма – в некотором смысле мистическая. Я не изучал эту тему глобально, единственное, что прочел, – роман Яна, Янчевецкого.

Когда служил в армии, заметил: между людьми рождается нечто такое, что создает единство, и это единство скрепляет многих людей в монолит. Заденешь одного, заденешь всех – боязно. Государство должно поддерживать в армии чувство монолита.

Чингис-Хан, создавший огромную империю, должен был знать, чувствовать это. Он не прощал обиды. Преследовал своих врагов до полного уничтожения. Города, которые сразу переходили на его сторону, – прощал, обходился с ними как с единомышленниками, позволял воинам-иноверцам вступать в свою армию.

Когда я написал поэму «Чингис-Хан», сразу прочел ее в красном уголке – так ленинский уголок назывался. Мы, солдаты, там собирались из всех рот нашего батальона. Смотрели журналы, играли в шахматы, в общем – общались. Я, конечно, волновался, меня могли перебить, одернуть. Я – автор, но я такой же солдат, как все. Я читал, и меня слушали. Никто не перебил, а художник красного уголка Петя Кириллов, солдат четвертой роты, изъявил желание проиллюстрировать поэму. Мы приносили ему рваный линолеум, и

он делал линогравюры к поэме. Потом он их перевел на доски, и оформитель книги «Чингис-Хан» Михаил Тихонов много лет спустя использовал эти гравюры при издании поэмы в издательстве «Городец».

Вообще это отдельная песня, как мы встретились с Петей-однополчанином. Кстати, на книжной Московской ярмарке встретились. Потом поэма разошлась по спискам, имела сложную судьбу. В связи с моими частыми переездами поэма терялась, потом отыскивалась.

В самом написании поэмы много мистики. Например, говоря о встрече Чингис-Хана с китайским философом Чань Чунем, я написал такие строки:

Тебе знать, Каган, нелишне,
Что выбран и день, и час,
Когда призовет Всевышний
На Синее Небо нас.

Пред ним мы предстанем вместе,
Чтобы держать ответ:
Ты, как монарх, – наместник,
Я, как монах, – поэт...

Откуда я мог знать, что Чингис-Хан и философ Чань Чунь, находясь за тысячи километров друг от друга, умрут в один день и час, этот факт стал широко известен только сейчас, по летописным источникам.

Я не политик, но, думаю, плохо, если много руководителей: страна может не выдержать. Страной должен руководить один человек. Авторитетная личность, полная народного доверия, подобная Чингис-Хану.

– О вкусах спорят. Скажите, пожалуйста, вот во Франции очень много сыров. Вы бы выбрали один? Или несколько?

– По этому поводу хорошо сказал Шарль де Голль. Смысл его фразы – тяжело руководить страной, в которой больше трехсот сортов сыров.

– В фантастическом романе «Звездный Спас» вы пишете о людях индиго, людях с паранормальными способностями. Как вам удалось их понять?

– Что мы понимаем под паранормальными способностями? То, что мы не можем объяснить? Допустим, чтение руками. Чтение мыслей на расстоянии – телепатию. И так далее.

Но, знаете, любой талантливый человек обладает способностями гораздо большими, просто ему не требуется такая демонстрация. Очень талантливые люди во всех странах и народах всегда вызывали не только поддержку, но и опасения. Посмотрите историю открытий человечества. Работая над романом «Звездный Спас», я брал за основу сегодняшнего талантливого человека. А когда такие люди-индиго собираются вместе, они своеобразно изменяют реальность.

В свое время меня направили в Новгород – для усиления писательской организации. И я решил издавать газету. Она называлась «Вече». И я предложил коллегам: давайте, когда соберемся, будем говорить все, что придет в голову, и из суммы различных мнений родится что-то важное. И мы, собираясь, обсуждали – а все были люди талантливые – и представляли собой такой вариант в моем понимании – индиго. И там, на этих собраниях, вдруг раз – и один говорит то, что все думают, но только выразить пока не могут. Вот так и рождаются конструктивные идеи. Об этом мое стихотворение «Кусочек смальты».

– Не так давно вы побывали в Бурятии, что вам особо запомнилось в этом путешествии?

– Уже года два прошло. Я не могу судить обо всей республике. Мое впечатление формируется по людям. Меня в этом путешествии сопровождали Туяна Зондуева, Любовь Нимбуева, Дмитрий Гармаев, Андрей Гунгаров, Батор Цыренов. Задавала тон нашему путешествию Туяна Зондуева. Она прекрасный, отзывчивый, эрудированный человек, она патриотка Бурятии в самом лучшем смысле этого слова. И я через нее стал

воспринимать Бурятию. С нежностью вспоминаю замечательные виды, пейзажи, истории, связанные с ними.

Удивительный Поэтический сад камней! Замечательной была поездка в родовое кочевье поэтов Нимбуевых. Неожиданно появившийся ястреб, сопровождавший нас.

– Спасибо, что оценили Поэтический сад камней. Ваша поездка по Бурятии началась с Иволгинского дацана, и там было много мистического, помните... дверь сама открылась.

– Удивительного было много. Навсегда запомнилась встреча с главой буддистов России пандито хамбо-ламой Дамбой Аюшеевым. До сих пор храню синий хадак с узелком, который он подарил мне. Для тех, кто не знает, – хадак в буддизме символизирует мир и добрые намерения. Неизгладимой была встреча с великой святыней Иволгинского дацана – нетленным телом пандито хамбо-ламы Даши-Доржо Итегелова. При встрече с ламой Итегеловым я читал ему свои стихи как живому. Поэтому, наверное, дверь сама и открылась.

Но все же, повторяюсь, я могу составить впечатление о стране даже по одному человеку. И я понимаю, почему говорится, что Господь Бог может из-за одного святого целый город простить. Сквозь призму одной песчинки мы созерцаем всю пустыню! Человек – это больше чем город.

– В ваших произведениях много философии, поисков смысла. Скажите, а кто из писателей, мыслителей на вас оказал самое большое влияние?

– Может, это звучит несколько странно – Иммануил Кант. Он поразил меня доказательностью своих суждений. Трансцендентность... Вещь в себе в одно и то же время присутствует во времени и пространстве и в то же самое время – отсутствует. Я настолько сильно восхищался его умозаключениями, что был страшно разочарован, что, кроме Кёнигсберга-Калининграда, нигде больше нет памятников Канту. Я тогда учился в Омском

сельскохозяйственном институте и очень хотел положить у его пьедестала букет цветов. Таким образом обозначить свое признание его гениальности.

Писатель должен учиться главным образом у жизни. Ну, конечно, писатели влияют друг на друга, так сказать, «прикуривают» друг у друга. Например, Лев Николаевич Толстой восхищался прозой Лермонтова, его «Героем нашего времени».

Люди многого не знают о себе. Впрочем, если бы всё знали – было бы неинтересно жить. Люди любят справедливость, но не любят жестокость. А справедливость жестока. Эту тупиковую ситуацию я называю ножницами жизни. Здесь много тайн – и в человеке, и в человечестве.

– Главное, чтобы каждый нашел свой путь. Какой бы вы дали совет ищущему человеку?

– Если сделал шаг – иди до конца. Тем более если это твое поприще – поприще писателя. Мне отец говорил: любой путь начинается с первого шага. Меня в свое время и не печатали, и всяческие гонения были... Но я всегда помнил наказ отца.

Важно – не останавливаться, если уж начал движение...